

Евгений
Никитин

ПРО ПАПУ

антироман

С рисунками
Александра Рытова

Евгений Никитин

Про папу. Антироман

НП «Центр современной литературы»

Никитин Е.

Про папу. Антироман / Е. Никитин — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-219-2

Своими предшественниками Евгений Никитин считает Довлатова, Чапека, Аверченко. По его словам, он не претендует на великую прозу, а хочет радовать людей. «Русский Гулливер» обозначил его текст как «антироман», поскольку, на наш взгляд, общность интонации, героев, последовательная смена экспозиций, иронических и трагических сцен, превращает книгу из сборника рассказов в нечто большее. Книга читается легко, но заставляет читателя улыбнуться и задуматься, что по нынешним временам уже немало. Книга оформлена рисунками московского поэта и художника Александра Рытова. В книге присутствует нецензурная брань!

ISBN 978-5-91627-219-2

© Никитин Е.
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

От автора	5
Часть первая	6
Столица	6
Как я делал предложение	7
Капитализм	9
Медицина	10
Бэби-бум1	11
Вверх и вниз	15
Мушкетёры	17
Жизнь и смерть	19
Король солнца	24
Гриша	27
Марина	29
Перееzды	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Евгений Никитин

Про папу антироман

От автора

Папа – постоянный персонаж моих историй.

Я много написал об отце, что моя жена считает, будто все мои тексты на самом деле о нём.

Это не так. Мне есть, о чём рассказать. Я пережил две эмиграции. В этой книге много сказано про моё детство в Молдавии, эмиграцию в Германию, жизнь в Москве и про моих приятелей-поэтов.

Но я назвал книгу «Про папу». Я не хочу его разочаровывать.

Бывает, звоню ему, а он сразу спрашивает:

– Написал что-нибудь новенькое?

– Написал.

Грустный вздох.

– Опять выставил меня дураком?

– Это не про тебя.

– А про кого?

– Это про мальчика Юрку. Жил да был такой мальчик Юрка, значит. И у этого мальчика есть папа…

– Ну вот.

– Что «ну вот»?

– Опять про меня.

– Это не про тебя. Ты толстый. А он худой.

– Я тоже раньше был худой, – с недоверием говорит папа.

– Но ты – москвич. А отец Юрки живёт в Кишинёве.

– Я тоже жил в Кишинёве.

– Но у тебя никогда не было обезьянки.

– А что, у героя рассказа есть обезьянка?

– Есть.

– Ну пришли почитать.

Я шлю папе рассказ, и через час опять раздаётся звонок. Оказывается, кроме обезьянки, никаких различий между двумя папами нет, и я снова выставил своего отца дураком. Так он считает.

Иногда он спрашивает мою жену:

– Вот скажи, неужели я действительно такой глупый?

– Нет, – отвечает жена. – Вы очень умный человек. Это сын у вас – идиот.

Мне кажется, она неправа. Я тоже кое-что соображаю.

Однажды я придумал историю, в которой вообще не было ничьих пап. Там фигурировали только бегемотик, древний китайский колдун Чань-фу и пузырь самогона. Но что-то меня беспокоило. На месте папы в тексте ощущался вакuum.

Долгое время все убеждали меня написать роман. Но я ненавижу романы. Эта книга – антироман. Она – не результат письма, а процесс. Я продолжаю писать ее каждый день.

Но не я поставил в ней последнюю точку.

Часть первая

Столица

Во времена моего детства ближайшим мегаполисом был город Бельцы.

«Рая уехала в Бельцы», – произносили со значением. «В Бельцы! Что вы говорите!» На лицах отражалось величие происходящего. Многие прощались с Раей навсегда: автобус до Бельц шёл битый час, и люди в нём тряслись, многим становилось дурно. Из Бельц привозили часы, авторучки, блокноты, батарейки; мой дед иногда наведывался в Бельцы за свечами для Хануки и мацой на Песах. Он возвращался, как Одиссей, умудрённый опытом, неузнаваемый.

– Знаешь, кого я встретил?

– Кого?

– Раю.

– Как? Раю?

– Раю.

– И что она сказала?

– Она сказала: «Привет».

– Привет?

– Привет.

– Рая?

– Рая.

– В Бельцах?

– В Бельцах.

– Что она себе думает, эта Рая? Я не понимаю: что она себе думает?

– Я не знаю, Хануся, что она себе думает. Она всегда была мишигинер коп, эта Рая…

Мой папа однажды был свидетелем подобного диалога и запомнил его на всю жизнь как пример крайней степени бытового абсурда.

О, Бельцы, Бельцы! Конечно, был ещё Кишинёв, но он не брался в расчёт. Он существовал где-то на краю мира, мифический город, что-то вроде рериховской Шамбалы. В Кишинёве бывал Пушкин… Нет, это решительно невозможно себе представить.

– А я жил в Кишинёве, – говорил я во дворе.

– Не надо ля-ля, Никитин. Ты б ещё сказал – в Москве. Ты б ещё сказал – в Нью-Йорке! Давай, дуй отсюда, Никитин. Вали!

Когда внука местного парикмахера Фимы в школе спросили, как называется столица Молдовы, он ответил «Израиль». Это были для него вещи примерно одного порядка. Он сказал это на уроке молдавского языка. Е capitala Republicii Moldova este Israel. Для него это было так. Фима взял свою маму, бабу Гитлю (во дворе мы звали её Гитлер), дочь, внука, остриг перед отъездом каждого волосатого жителя Рышкан и уехал в Israel, столицу Молдовы.

Как я делал предложение

Наш учитель физкультуры никогда не звал меня иначе как «гнида».

– Гнида, лови мяч! Теперь кидай, гнида! Опять мимо, вот гнида!

Однажды, во времена базарного капитализма, дедушка, пытавшийся тогда продавать рышканцам электронные часы «с музыкой», послал меня за чебуреком. В чебуречной сидел физкультурник. У него был взгляд человека, который изо всех сил пытается, но совершенно не способен опьянеть. Он всегда бывает трезв как стеклышко и ужасно мучается от этого.

Физкультурник сразу меня увидел и через секунду заголосил на всю чебуречную:

– Ах ты, гнида мелкая! В школе он мне глаза мозолит, гнида, так этого ему мало! Ещё сюда припёрся и маячит, гнида… Эй, гнида! Уйди нахуй отсюда! Дай человеку отдохнуть. Пшёл вон!

Я вышел в слезах, отнёс деду чебурек и с тех пор стал прогуливать все уроки физкультуры. Я ходил на озеро и смотрел на воду. И благодаря этому случилась со мной вот какая история.

Как-то в мае я пришёл на озеро, а там сидели две девушки. Одна из моего класса – Надя (я про неё уже писал стихотворение, если кто помнит) и другая, как зовут – забыл.

Надю я безответно любил вот уже много лет – и это несмотря на её открытый, честный антисемитизм. Я всё терпел, начиная с 6 класса. Со мной можно было поступать как угодно. Вторую девушку я знал плохо.

– О, Никитин, – обрадовалась девушка-как-зовут-забыл. —Прогуливаешь?

– Ну да.

– Как это? Подожди. Я думала, Никитин – отличник, – обратилась она к Наде.

– Никитин давно опустился, – ответила Надя Басова. – Будто он и не еврей. Еле учится. Раньше-то да, все носились с ним, как с писаной торбой.

Всё это было полной ерундой. Отличником я никогда не был, учился на четвёрки (по тогдашней молдавской системе это были восьмёрки), и умничал только на литературе. Но это неважно.

– Слушай, Никитин, – сказала девушка-как-зовут-забыл.

– Слушаю.

– Если бы мы тебе сейчас отдались, ты бы нас взял?

Сказать, что я охренел от этого вопроса, значит ничего не сказать. Но я решил на него ответить, и это больно вспоминать.

– Смотри кого. Вот ты, к сожалению, не совсем в моём вкусе.

– А Надя?

– Тут другая проблема. Это ситуация просто невозможна. Этого не может случиться никогда.

Надя молча кивнула, подтверждая, что нет, никогда. И вдруг сказала:

– Он меня за человека не считает.

– Это ты меня за человека не считаешь! – воскликнул я.

Наступило молчание, которое оборвала девушка-как-зовут-забыл.

– А ты Надю – любишь?

– Люблю, – честно ответил я.

На лице у Нади появилось выражение глубокой обиды и презрения. По-видимому, она решила, что я над ней издеваюсь.

– А за что любишь? – спросила девушка-как-зовут-забыл.

– Не знаю… – тупо сказал я. – Глаза красивые.

Через год я уехал в Германию и оттуда позвонил Наде. Я знал её телефон. Собственно, я до сих пор его помню, и могу позвонить хоть сейчас. Но не стану. Хотя чем чёрт не шутит.

– Привет, Надя, – сказал я в телефон.

– Привет, Никитин.

– Слушай, выходи за меня замуж. Давай я тебя увезу в Германию.

– И что мне там делать, в этой Германии?

И тут мир стал свидетелем самого безмозглого ответа, какой можно только себе вообразить:

– Трахаться, – ответил я.

– Ну… Это я и здесь могу, – сухо сказала Надя.

Вот таким я был дебилом.

Капитализм

Каждое утро дедушка, как всякий честный гражданин Рышкан, уходил на базар.

– Хануся, я пошёл на базар. Целуйте нас.

Пенсий хватало только на верёвку, мыло и прощальный ломоть мамалыги. Чтобы купить что-нибудь нужное, надо было продать что-нибудь ненужное, как сказал бы дядя Фёдор. Например, душу.

Так и сообщила всему классу несломленная учительница истории Ольга Васильевна, узнав, что мой дедушка, бывший главный агроном и член партии, перепродаёт с наценкой мелкие бытовые товары, закупленные во время паломничества в Бельцы.

– Никитин, твоя семья продала душу мировому капитализму.

Она запросто могла встретить меня в коридоре и заявить:

– Ты, Никитин, – внук мелкого эксплуататора, дело твоё дрянь. Когда народ снова придёт к власти, с тобой разберутся в первую очередь.

Мы её очень любили: у неё почти отсутствовало чувство юмора, но при этом был острый, как бритва, ум. Весь он, практически без остатка, использовался на борьбу с угнетателями.

Ольга Васильевна постоянно думала о народе. Она была в этом ужасно одинока – большинство учителей тем же летом сами подались на базар: им задолжали зарплату примерно на год.

Торговали, кто чем мог. Я тоже торговал. Я продавал свои диафильмы и книжки. Надо сказать, я не преуспел в эксплуататорстве: мне удалось сбыть только сохранившееся от отчима жизнеописание известной американской проститутки по прозвищу «Мадам» (книга так и называлась). На вырученные деньги я несколько раз купил деду мороженое.

(Между прочим, это пример типичного литературного вранья: разумеется, я не был таким уж заботливым внуком. На самом деле, я в тот же день сходил в местный книжный – а тогда он ещё существовал – и на свои отнятые у народа барышни приобрёл ещё более чудовищную книгу: «У-шу. Стиль тигра».)

Между тем, Ольга Васильевна продолжала свою борьбу: она мужественно распространяла листовки молдавской компартии. Спустя много лет она праздновала триумф: коммунисты действительно пришли к власти. Но за нас так и не взялись: к тому времени дедушка с бабушкой уже жили в Петах-Тикве, а я – в Москве.

Медицина

Моя мама всю жизнь боролась с псориазом. Рышканский криминальный авторитет инвалид Дядя Боря посоветовал ей сыпать на голову сигаретный пепел.

– Я всё лечу пеплом, – сказал он. – Даже шизофрению.

Он отсыпал маме окурков, которые тщательно хранил в мешках, и уполз в туалет. Там он жил.

Жена Дяди Бори, моя тётка, разрешала ему курить в туалете. Дядя Боря сидел там практически круглосуточно, с гитарой и винтовкой. В плохом настроении он грозился начать стрельбу. Но, в основном, Дядя Боря вёл себя тихо, играл на гитаре. Ещё он варил самогон. В Рышканах его боялись, хотя он был маленький, как мастер Йода, и двигался на корточках. Зато Дядя Боря славился мудростью. Самогонные клиенты подчинялись ему беспрекословно.

Мама стала на ночь класть пепел на псориазные шишки. Но это не помогло. Тогда мама съездила в Бельцы, где купила на книжном развале брошюру про уринотерапию.

В брошюре было написано, что от псориаза лучше всего помогает младенческая, либо коровья моча. Я уже не был младенцем. Зато коровы в Рышканах водились в большом количестве. Прямо за нашим домом начиналась так называемая Долина – полузаболоченные луга с речкой. За Долиной жили цыгане.

Мама отправилась на Долину и издалека понаблюдала за коровами. Мы коров боялись. Мы не были настоящие сельские жители, так как жили в квартире. Улица Индепизденций и прилегающие к ней дворы с пятиэтажными домами считались «городом». В коровах мы не разбирались и близко к ним не подходили.

Короче говоря, моя мама не придумала, как безопасно заставить корову пописать ей на голову. Поэтому борьба с псориазом ввиду кризиса идей была отложена до лучших времен.

От псориаза вообще ничего не помогает. Недавно я обсуждал это с прозаиками Вячеславом Харченко и Евгением Сулесом.

– Псориаз хер выведешь, – сказал Харченко. – Тут главное – меньше пить.

– Это почему? – неприятно удивился Сулес.

Тут надо понимать, что Женя Сулес – эксперт по виски. Недавно он написал книгу про виски. Но в ней ни слова нет о связи выпивки с псориазом. Сулес почувствовал, что разверзаются бездны.

– Почему – науке неизвестно, – ответил Харченко. – Знаю только, что стоит выпить — тут-то он, гад, и полезет.

– А какие именно напитки способствуют псориазу?

Слава Харченко задумался.

– Хуже всего – пиво, – сказал он наконец. – Ужасней пива нет ничего.

– А водка? – спросил Сулес.

– А водка – ещё ужаснее.

Сулес не стал спрашивать про виски, чтобы зло, проникающее в реальность таким способом, осталось там, в платоновском мире идей.

Что касается моей мамы, то с ней случилось медицинское чудо. Лет через десять мама прекратила лечить псориаз, и он, видимо, обрадовавшись, прошёл сам собой.

Бэби-бум¹

Я родился в годы «бэби-буна». Везде обитали дети, можно было глаза сломать. Каждый день из окна открывался вид на нескончаемый митинг – везде что-то происходило, крики, толпы детей. Дворы представляли собой небольшие детские государства. Они воевали между собой с утра до вечера. Некоторые дворы делились на территории. И у всех были щенята.

В нашем дворе дети содержали в подвале старую бродячую суку и целую стаю её щенят. В соседнем дворе мы с Олегом тоже выращивали щенят. Существовало даже понятие «кражи щенят». Это когда дети из одного двора крадут щенят из другого двора. Все смешалось – дети, собаки, деревянные палки, каштаны. На палках мы дрались, а каштанами бросались.

Раз в день во дворе останавливалась мусорная повозка. Она появлялась точно посередине серии «Богатые тоже плачут», когда взрослые исчезали с городских улиц. Со всей округи к машине устремлялись потоки детей с вёдрами. Мусорщик, стоя в кузове машины по колено в отходах, выхватывал вёдра из кипящего моря детей и опрокидывал их себе под ноги. В этот момент он был единственным взрослым в радиусе многих километров.

В дальнем дворе, отделённом от нашего шоссе и местной бани, жила девочка Алина. Мальчик Вова с компанией как-то отловил девочку Алину и, пока её держали, приблизился и поцеловал. Потом он убежал обратно в наш двор. Началась война. Три двора, что за бани, объединились против нашего и пришли нас громить. Целью был мальчик Вова. Его следовало привлечь к ответственности.

Олег прибежал ко мне и захлебывающимся голосом прошептал: «Война… Война…» Он хотел, чтобы я вошёл в состав генерального штаба. Штаб находился в подвале, где держали щенят. Подвал был чёрный и пыльный, хоть задохнись. Посередине висела боксёрская груша, со стены смотрел портрет Брюса Ли, а в углу жила собака. «За что воюем?» – спросил я. Олег обрисовал мне ситуацию. Рядом на батарее мальчик Вова виновато щупал кровавый нос. Его уже брали сегодня в плен, но он вырвался и удрал. Я разработал план. Армия состояла из восьми бойцов, двое из которых были девочками, а один – малолеткой. Я не очень-то рассчитывал на них. Олег хотел начинать ответное наступление, но я объяснил, что мы окажемся на уязвимой позиции – во дворе врага, где нас неминуемо поколотят. Следовало разделиться и заманить врага к нам. Когда его основные силы будут заняты отловом мальчика Вовы, мы зашлём десант в их тыл и схватим девочку Алину. Зачем нам хватать Алину, я не знал, но в тот момент об этом никто не думал.

Мы разделились. Олег и я составляли десант. Остальные были обречены защищать двор и кровоносого Вову, сидящего в подвале. Пришлось опустошить запасы каштанов. Я достал свою генеральскую палку, на которую неизвестно зачем крепилась пластмассовая гарда. Девочек отпустили, а малолетку отправили во вражеский лагерь с белым флагом и запиской такого содержания:

«Мальчик Вова у нас, трусишки! Приходите за ним, но лёгкой поживы не ждите. Будет битва».

После этого мы спрятались и стали выжидать. Стояла жара. В соседних дворах тоже воевали, и до нас доносилось постоянное «пых-пых» и «тру-ту-ту-ту-ту», периодически тонущее на фоне общего гвалта, но нам казалось, что вокруг тишина, и мы спрятаны в этой тишине, как в коконе.

Через полчаса на горизонте появился зарёванный малолетка. Достоевский бы замучился подсчитывать его слезинки. Он не искал нас, а шёл домой к маме, но мы не показывались из укрытий. Я был уверен, что за малолеткой следят. Так враги хотели выведать, где мы прячемся.

¹ В соавторстве с Алёной Чурбановой.

«Веди их, веди, – думал я, – прямо к маме веди, молодец». Но за ним никто не шёл. Враги оказались то ли глупее, то ли умнее нас. Скорее всего, глупее. Они не догадались проследить за малолеткой и сейчас, вероятно, готовились к наступлению.

– Они могут зайти с трёх сторон, – сказал я. – Пусть бойцы остаются, а группа десанта должна контролировать объездную дорогу.

Мы с Олегом вышли к дороге, ведущей мимо бани, и затаились в кустах. Небо было голубое, как дедушкины кальсоны, из бани торчала длинная труба, шёл дым, закручивался в водоворот и уносился к окрестным деревням. Дорога пустовала. Минут десять мы напряжённо наблюдали за ней, а потом нас схватили. Враги появились неожиданно и совсем с другой стороны. Я размахивал своей деревяшкой, но её тут же отняли. Нас держали за руки и вели вглубь вражеского двора, за баню, мимо елей, мимо покосившейся двухэтажки, мимо проволоки с развевающимся на ней бельём.

По дороге нас допрашивала подруга Алины – Верка.

– Мелкий сказал нам, что ты – главный, – сообщила она мне. – Где Вову держите?

– А что вы к нему пристали?

– Ты знаешь, что он сделал? – спросила Верка негодующе.

Глаза-угольки этой сильной, гибкой девчонки горели страшным гневом.

– Ну, знаю, – ответил я.

– Сволочи вы, раз его защищаете!

– А чего ваши ему нос разбили, – вступил Олег. – Подумаешь, Алину поцеловал!

Может, она со всеми целуется.

– Сейчас получишь, сволочь! – закричала Верка.

Она подскочила и врезала Олегу в живот.

– Я с тобой ещё разберусь, – пообещал Олег, когда снова начал дышать.

– Говори, где Вова!

– Оставьте вы в покое этого Вову, – сказал я примирительно. – Может, он её любит.

– Раз любит, мог попросить по-человечески!

– Как попросить?

– Подойти и попросить: люблю, дескать, жить без тебя не могу. Алина захотела бы – сама бы его поцеловала.

В это мне не очень верилось. Мой собственный опыт общения с девочками был неутешительным.

– Как? – удивился я. – Просто так поцеловала бы?

– Почему нет?

– Значит, если я попрошу, ты меня поцелуешь? – спросил я.

– Тебя – нет!

– А его? – я показал на Олега.

Олег сильно отличался от меня. Я носил очки, он – нет. Я был блондин, он – брюнет. Я был спичка, он – коренаст.

– Его, может, и поцеловала бы, – вдруг сказала Верка. – Хочешь? – обратилась она к Олегу.

Олег весь аж скривился от отвращения. Он был младше меня на пару лет, и девочки его мало интересовали.

– Гадость какая! – крикнул он. – Не подходи, дура бешеная, а то плюну.

Но Верка приближалась, неумолимо, как статуя Командора. Олега скрутили. Он попытался плюнуть, но кто-то тут же заткнул ему рот рукавом. «Какой дурак! – думалось мне, – какой дурак этот Олег, его целуют, а он плюётся, вот идиот».

Верка зловеще чмокнула его в макушку и с выражением самодовольства от удавшейся мести приказала:

— Этого отпустить, а с этим, — она указала на меня, — мы сейчас разберёмся. Ташите его к Пушкину!

Я понял, что происходит что-то ужасное, непоправимое. Наверное, моя жизнь подошла к концу. Меня куда-то вели, а я от страха потерял связь с реальностью. Когда очнулся, стало ясно — мы спускаемся к речке. Я решил, что меня хотят утопить в грязной, вязко пахнущей воде, куда эфиромасличный завод годами спускал химические отходы. Речка Вонючка отделяла город от посёлка цыган. Из окон моей пятиэтажки можно было различить купола огромных домов-дворцов, которые выстраивали себе цыганские бароны. Нормальные цыгане живут в таборе, куда-то там кочуют, а наши осели за речкой и вели там свою непонятную отдельную жизнь. Так мне объясняли, а что творилось на самом деле — бог его знает.

Возле речки паслись овцы и стояли два пастуха. Один из них был мелкий пацанёнок в кэчуле, а второй — выпитый Александр Сергеевич Пушкин из портрета в учебнике.

— Эй, Пушкин, — крикнула Верка. — Мы тебе одного сморчка привели, разберись с ним.

Александр Сергеевич подошёл и схватил меня за шкирку. Это был кудрявый дылда-цыган с бакенбардами и огромными руками. В следующее мгновение я получил две затрешины. Так меня били в первый раз.

Знаете это ощущение, когда сначала — тупая боль, потом в голове звенит, и пол-лица с ухом, по которому треснули, внезапно отнимается. Я барахтался в его пятерне слишком активно — он дал мне ещё одну затрешину, чтобы я поменьше соображал, и поставил меня перед пацанёнком в шапке.

Очки улетели в траву, и всё дальнейшее я воспринимал сквозь близорукую дымку.

— Сейчас он тебя будет бить, — сказал мне Пушкин, расплываясь в этой дымке, — а ты стой смирно, руки по швам. Если тронешься, я тебе сам вмажу. Знаешь как? Локтем. Вот так, смотри.

Он приставил мне локоть к носу. Локоть цыгана был — как моя голова.

— Короче, тихо, а то потом будут мама с папой твой тру-пак из речки вылавливать.

Верка с ребятами уже уходила, покачиваясь пятнышком краски в неопределённом далеке. Её не интересовала моя дальнейшая судьба.

— Давай, бей его, — сказал Пушкин пацанёнку. — Бей, не бойся. Сначала в челюсть давай. Вот этими двумя костяшками.

Пушкин положил мне руку на плечо, чтобы я не сбежал. Пацанёнок размахнулся и, подпрыгнув, ударил меня в челюсть.

— Что за фигня, — сказал я Пушкину сквозь слёзы. — Я дам сдачи.

Цыган схватил меня за голову и поднял вверх, к своему обакенбарженному лицу.

— Чё ты, идиот, что ли, — сказал он мне. — Ещё раз пикнешь, убью нахрен.

Он поставил меня обратно и приказал пацанёнку стукнуть ещё раз, но теперь в солнечное сплетение. В течение следующих минут мальчонка, отбросив кэчуле, отрабатывал на мне различные удары руками и ногами. На небе собирались тучи и запахло электричеством.

— Ладно, — сказал наконец Пушкин, посмотрев вверх. — Вали домой. Ещё раз встречу — утоплю.

Я побрёл прочь. Всё тело отнималось. На полдороге началась гроза, и в подвал я вернулся мокрый, как цуцик, привалился к тёплой собаке и уснул. Бабушка и дедушка после грозы искали меня по всем соседям, но не могли найти. К вечеру я проснулся и отправился домой. Я был уже другим человеком. Совсем другим.

Дворовую красавицу Алину я встретил много лет спустя, и мы вспоминали ту памятную войну. Некоторое время я пытался за ней ухаживать. Как и все девчонки, Алина доверяла мне, словно подружке, а я использовал это, чтобы быть к ней поближе. Она рассказала страшную правду, которую не знала даже Верка. Мальчик Вова вовсе не собирался целовать Алину. Все было наоборот. Вову затащили в подъезд, связали руки, и Алина сама поцеловала его. Но поце-

луй оказался таким противным, а позор неминуемым, что даже Верке Алина поведала изменённую версию. Свидетели до смерти боялись покровителя Алины, цыгана по кличке Пушкин, а Вова стыдился этой истории и тоже не рассказал никому правду о ней.

Шли годы, и однажды я приехал в родной город тридцатилетним мужчиной. Дом не изменился, но высокого тополя-свечи, который рос с ним рядом, больше не было. В нашей квартире жила чужая женщина. На креслах и кроватях лежали её покрывала, на полу – её ковёр. В шкафу стояли её книги. Несколько часов я бродил по улицам – то улыбался, то плакал. Улицы пустовали. Большинство жителей отправилось на заработки в Москву. Когда приезжал мусорщик, на улицу, прихрамывая, выбредали пожилые люди. В городе обитало больше пенсионеров, чем детей. Никто не галдел, не бегал, не носился на велике. Не было даже бродячих собак.

«Бэби-бум» закончился.

Вверх и вниз

Мы рассматривали фотографию бананового дерева.

Бананы росли на нем не вверх, а вниз. Попками кверху.

— Этого не может быть, — сказал я. — Фотография перевёрнутая. Глянь, листья тоже растут вниз.

— Так они и должны расти вниз.

— Это почему ещё?

— Смотри, какие они большие. Тяжесть клонит их к земле.

— Я тоже тяжёлый, но почему-то всю жизнь расту вверх.

Я, действительно, всю жизнь рос вверх. В этом было что-то ненормальное. Я родился маленьkim, как дынька, и стал увеличиваться в размерах. Между тем, все знакомые мне люди, наоборот, уменьшались. Я видел это собственными глазами. Моя прабабка Рахиль Самойловна, в просторечии баба Иля, была огромная, как великан. Я не мог достать ей до колена. Баба Иля всё время на всех обижалась, и ей требовалось утешение в форме поглаживаний по голове.

Но из-за небольших размеров моего тела меня пока не посыпали утешать её. Она сама утешалась. До поры.

Потом они заметили, что я сделался в два раза выше за пару лет. Баба Иля за это время несколько уменьшилась. Если она садилась на табуретку, я мог подтянуться и достать до её волос.

Кухня у нас была в подвале, куда вёл длинный пролёт деревянной лестницы, как в каком-нибудь средневековом замке. За обедом баба Иля всегда устраивала скандал, когда с ней кто-нибудь был не согласен. Она страшно расстраивалась и шла наверх, в комнату прадеда, который к тому времени уже умер. Мне говорили:

— Иди наверх, утешь прабабушку.

Чтобы дойти до лестницы, надо было миновать тёмный коридор, заваленный чемоданами. Чемоданы пугали меня. Папа сказал мне, что в них живут волки. Я мог быстро пробежать мимо них, но вместо этого шёл медленно. Если быстро бежать, будет много шума, волки проснутся и бросятся вслед. Я прокрадывался мимо чемоданов с волками и поднимался по лестнице вверх. Прабабка сидела в комнате, уставленной книгами, и молча страдала. На меня она не смотрела. Я подходил к ней сзади, гладил по волосам и говорил:

— Не расстраивайся, всё будет хорошо.

В эти моменты я ее немножко ненавидел.

Еще через два года она уменьшилась сильнее, и мне не приходилось больше подтягиваться, чтобы достать её макушку, когда она сидела на стуле. В этом положении мы были примерно одного роста. Меня больше не посыпали ее утешать. Я был слишком большой. Всех больших баба Иля автоматически причисляла к своим обидчикам. Она всё время уменьшалась. Папа с мамой тоже, но они развелись, и папу с бабой Илей я потерял из виду, когда мы уехали из дома в Кишинёве на Пушкина 15 обратно в Рышканы.

Когда я снова встретил папу, он был одного роста со мной.

Я спросил:

— Как там прабабка?

— Умерла. Совсем недавно. Как раз перед твоим приездом я похоронил её.

— Как она умерла?

— У меня на руках. В ванной комнате. В момент смерти я как раз мыл её.

Видимо, прабабка уменьшилась настолько, что её надо было мыть, как ребенка. Меня тоже мыли, когда я был маленький. Я не умел сам мыться. Потом перестали.

Через год папа стал меньше меня. Потом его положили в больницу со спиной. Ему вставили в позвоночник стальные штыри. Некоторые люди с возрастом начинают ломаться. Он как раз поссорился с женой, и ему некуда было идти. Впрочем, он не мог ходить. Он мог только лежать и немножко сидеть, пока не заживёт. Я забрал его домой, положил на кровать и покорял.

Вечером он сказал:

– Мои ноги плохо пахнут. Помой мне ноги.

Я понял, что когда не можешь ходить, тяжело мыться.

Я набрал воды в тазик и помыл папе ноги. Ему это очень понравилось.

– Молодец, сын, – похвалил он. – Знаешь, что говорил прадед?

– Что?

– Сын должен мыть отцу ноги, а потом выпивать эту воду.

Воду я пить не стал.

Кстати, я больше не расту. Может быть, начинаю уменьшаться.

Мушкетёры

В детстве я бредил мушкетёрами.

Однажды меня отправили в гости к папе, в Кишинёв.

У папы были бобины – предшественники кассет – и некое чудовищное записывающее устройство. Мы решили записать мюзикл собственного сочинения. Про мушкетёров.

Папа коллекционировал музыку на всех носителях. Сначала пластинки, потом бобины-кассеты-диски. Я застал эпоху бобин. Мне было, наверное, лет шесть. Папа показал мне бобину с записью скандала, устроенного моей прабабкой Рахиль Самойловной и дядей Мишой.

Из устройства раздалось какое-то рычание и звук ударов.

– Блеааа! – вопил Миша. – Уйди, или я себя убью!

– Я больше не могу! – кричала Рахиль Самойловна. – Будь ты проклят!

Миша остался жив.

Я был поражён до глубины души. Утром в автобусе я сочинил строчку первой песни будущего мюзикла про мушкетёров. Я потянул папу за рукав и спел ему:

– *Мы сегодня рано встали!*

– Кто это? – спросил папа.

– Это гасконцы! Они едут в Париж. Очень рано встали и скачут на конях.

– Что – всем колхозом?

– Нет, втроём.

– А дальше?

– Ну ты тоже должен придумывать.

– Я музыку придумаю. Таарира… Туриара… Мы сегодня! Рано встали! Хм…

– *Раньше, чем встаёт петух!* – придумал я продолжение.

До сих пор я не писал никаких стихов, а, тем более, текстов песен, и столкнулся с проблемой: надо было найти осмысленную рифму к слову петух. «Мух-пух-плюх-старух».

Мне не нравилось.

– Папа, а свиньи тоже рано встают? – спросил я.

Я говорил довольно громко, так что несколько человек с недоуменной тревогой обернулись на меня.

– Ээээ… Не знаю. Наверное, тоже. Их будят петухи.

– Тогда так:

Мы сегодня рано встали,
Раньше, чем встаёт свинья!
Даже кушать мы не стали —
Джассо, Дикаро и я!

Папа слегка прифигел.

– Чего? Это кто?

– Это гасконцы. Их так зовут: Джассо, Дикаро и я. Они рано встали и скачут.

– А почему не жрамши?

– Чтобы пораньше отправиться в Париж и стать мушкетёрами.

– А кто такой «я»?

– «Я» – это д'Артаньян. Он первый прискакал.

Мы стали распевать на весь автобус. Папа даже замахнулся на второй куплет:

– Почему идём так скоро?

– На приём у короля! – объяснил я.

– Чтобы приняться в мушкетёры, ни минуты не медлить, – закончил папа.

Сюжет быстро развивался. Глашатай сообщал, что король не стал принимать гасконцев – «мушкетёров из села он вообще не принимает», – потому что собирался в поездку к китайскому императору. «Он едет есть хлеб-соль». Становитесь, мол, как все, в очередь к де Тревилю.

Наутро мы стали писать мюзикл. Это было в старом домике на Пушкина, 15. Дом стоял в центре современного Кишинёва. Свернёшь в переулок у магазина «Штиинца» – а там наш дом. Можно сказать, дворянская усадьба. На холме, с двориком, садом и верандой.

В гости пришёл дядя Миша – тот самый, который через много лет сбежит из Израиля в Москву и будет комментировать ЖЖ поэта и литературного деятеля Дмитрия Кузьмина на предмет несоответствия актуальной поэзии уровню Бодлера. И мы с женой будем жить около полугода через стену с ним и его быстро меняющимися любовниками, потому что по Бодлеру и Рембо у дяди всё...

Миша играл гвардейцев кардинала. Почему-то они нагло пировали прямо у дома де Тревиля, а коварный кардинал разливал вино. Увидев д'Артаньяна, они кричали:

– Блеааа! Будь ты проклят, проклятый!

Я не знаю, почему была такая тавтология, но именно так они кричали в Мишином исполнении.

Д'Артаньян вызвал на дуэль сразу всех гвардейцев:

«Я вам назначу встречу
У Луврского дворца!
Я всех вас покалечу
И ранами отмечу!»

Гвардейцы, хором:
«Убьём мы подлеца!».

Переслушивая запись, я не понимаю, как выговаривал слово «луврского». Но как-то выговаривал.

Папа написал всю музыку. Кассета сохранилась, и, насколько я знаю, она принадлежит к немногим, редким проявлениям его, так сказать, творческого гения. В основном он музыку только коллекционировал и посвятил этому всю жизнь и все деньги. За это мама его и бросила. Начались территориальные тяжбы. Мама претендовала на какие-то квадратные метры или что-то в этом роде. Дом, где раньше жили прабабка, бабка, папа, мама, дядя Миша и я, поменяли на несколько квартир. И дома на Пушкина, 15 не стало. Его снесли... Потом все эмигрировали. Кто куда – кто в Германию, кто в Израиль, кто в Москву, а иные и на тот свет.

Жизнь и смерть

В детстве я рос вместе с дядей Мишой, толстым и грустным еврейским мальчиком. Он был старше на семь лет. Миша немного обиделся, когда я родился, так как он перестал быть единственным ребёнком.

– Твоя мама должна моему брату миллион рублей! – заявил Миша, когда я стал понимать по-человечески.

Я долго ходил с этим знанием, думал, как буду возвращать долг. Можно было, например, устроить торговлю жвачками, которыми меня бесплатно пичкала воспитательница в детском саду. Но дело такое…

– Ты давал маме миллион рублей? – спросил я папу.

Папа молчал.

Смысл Мишиного заявления я понял лет через 15: считалось, что папино семейство оказалось моей маме большую услугу, вытащив её из Рышкан в Кишинёв. Из прозябающего посёлка в процветающую столицу. Из грязи в князи. За это Миша и насчитал ей миллион рублей.

В Кишинёве мы со всеми бабками и прабабками жили в огромном частном доме на Пушкина, 15. Миша был добрым ребёнком, собирая со всей округи кошек и притаскивал в дом, так что ногу некуда было поставить, чтобы не наступить на кошку. Миша был очень упрям. Как-то его потащили на майскую демонстрацию. Миша сел на пол и заявил:

– Мне нужен ящик газировки!

– Никакой газировки! – ответила баба Иля, железная леди, бывшая балерина и управляющая банком. – Мы не станем таскать с собой на демонстрацию целый ящик газировки!

– Тогда идите к чёртовой матери! Мне нужна моя газировка.

Мишу было не сломить. У великолепной бабы Или в банке был даже свой пистолет. Но с Мишой она ничего поделать не могла. Он забился в угол, забаррикадировался кошками и кричал как резанный.

– Уйдите, сволочи!

В доме шёл беспрерывный скандал, переходящий в драку: бабка ссорилась с прабабкой, мама с папой, кошки друг с другом – и так бесконечно во всех сочетаниях и вариациях. В этой атмосфере психбольницы мы с Мишой находились практически с рождения.

Когда все уставали кричать, то спускались в подвал, где была кухня, и судорожно пожирали бесконечные борщи бабы Или. По праздникам в меню был знаменитый на весь Кишинёв торт «Дуб» с 100 грецкими орехами, рецепт которого сейчас безвозвратно утерян.

Миша рос без отца. Его папа завёл множество детей от разных женщин, которых он бросал, скажем так, сразу после оплодотворения.

Со мной у Миши был постоянный детский конфликт. Он считал, что его никто не любит. А вот меня – да. Это чувство он пронёс через всю жизнь и буквально на днях внезапно умер при загадочных обстоятельствах в возрасте 43 лет.

Я отправился хоронить Мишу. Нужно было подъехать в морг на улице Приорова. Мы встретились с папой на Войковской и пошли искать морг. Папа молчал, переживая смерть брата.

– Отчего он умер? – спросил я.

– От насморка.

– Как это?

– А так. У тебя есть насморк? У меня тоже. Страшная вещь, оказывается. Миша высморкался, и у него оторвался тромб. «Причина смерти – осложнения от синусита». У Сани спрошишь.

Саней звали последнего Мишиного сожителя. Тут надо пояснить. В 90-е годы Миша пошёл в школу раввинов, научился молиться на иврите и уехал в Израиль. Там он прожил много лет, работал сначала в кибуце «на должности сборщика чеснока», потом закончил в Тель-Авиве университет. У него родился сын. Но с Мишой ужиться было трудно. Мише нужна была безусловная, всепрощающая материнская любовь. Женщины его бросали. В какой-то момент Миша обнаружил свою бисексуальность. Сам он объяснял это так:

– Мне всё равно, что там у человека между ног. Я же не животное. Если меня любят, если я полюбил... Это всё. Для меня больше ничего не имеет значения.

Согласно легенде, Миша давно подумывал об эмиграции в Москву и даже предварительно написал письмо Путину, причём получил ответ из администрации президента, дескать, приезжайте, хорошие специалисты нам нужны.

Это было очень типично для Миши, легко подпадавшего под обаяние личного мифа. Ещё в Кишинёве, после раз渲ла СССР, он приволок из школы огромный бюст Ленина. Как дотащил – непонятно. Бюст он поставил посреди комнаты.

– Мне не нравится, что они издеваются над Лениным. Нельзя сначала поклоняться кому-то, а потом в одночасье менять своё мнение.

Миша хранил письмо Путина и однажды неожиданно приехал в Россию. Но сделал это очень оригинальным образом. Израильский любовник Миши устроил в доме поджог на почве ревности. Тогда Миша взял вину на себя и бежал в Москву от израильского суда.

В Москве он все годы жил безо всякой регистрации. Когда я приехал из Германии, будучи гражданином Молдовы, я сначала повторил его судьбу и стал немецко-молдавским нелегалом. Так, двумя бродягами, мы встретились с Мишой спустя десяток лет после общего кишинёвского детства, закончившегося с разводом моих родителей. Самое странное в Мише был его запах: он пах так же, как много лет назад в давно снесённом доме на Пушкино, 15 – кошками и почему-то чернилами.

Дядя поселился в Медведково вместе со своим новым мужчиной, с которым познакомился на почве любви к сонетам Шекспира. Это был обаятельный блондин по имени Макс, единственный минус которого заключался в том, что он хотел Мише добра и пытался заставить его легализоваться.

Скепсис Миши был мне понятен. Сам я чудовищными усилиями добивался российского гражданства, и в итоге сумел это сделать спустя 5 лет буквально чудом, благодаря вмешательству лиц и сил, скажем так, высшего характера.

Миша ничего такого не предпринимал и беспрерывно жил в страхе перед депортацией. В ответ на требования своего возлюбленного сходить в израильское посольство, Миша распечатал надпись «Посольство» и приkleил на дверь туалета в Медведково.

Эти обстоятельства я застал, когда меня выгнала из дома первая жена, и вполне заслуженно: за измену. Я приехал к папе, и папа решил подселить меня к Мише с Максом.

Это была особая квартира. Одну комнату снимал Миша, а в другой папа хранил коллекцию виниловых пластинок, занимавшую всю стену от пола до потолка. А вдоль противоположной стены стоял стенд с книгами. Оставалось место лишь для матраса на полу.

– Я позвонил Мише... Он тебя боится, – сообщил папа.

– Почему?

– Он считает, что ты не поймёшь его жизнь. Тебе будет там психологически некомфортно. Дело в том, что Миша, как бы это сказать... Любит мужчин.

Но мне было всё равно. С Максом мы прекрасно поладили. Я жил в отдельной комнате, запирал её на ключ и даже несколько раз водил туда девушек. С одной из них у меня была большая разница в возрасте. Миша с Максом в шутку приkleили мне на дверь изображение фавна, совращающего крестьянку. Второй была моя соавторша и будущая жена Алёна. Мы писали тогда рассказы вместе.

Помню, как утром мы с Алёной пришли на кухню – от ночи, проведённой на узком матрасе, у нас болело буквально всё – и застали там одинокого Мишу, совершенно потерянного и смотрящего как бы в одну точку. Макс ушёл.

Мы с Алёной тоже бросили Мишу и сняли вместе комнату у прозаика Олега Дарка. Однако через полгода Миша позвонил по Скайпу. Он был осунувшийся и какой-то посиневший, как от холода. Разговаривал с трудом, глотая слова.

– Женя, мне очень плохо. Очень плохо. Я думаю о конце. Я хочу уйти.

– Что я могу сделать?

– Не знаю. Мне нужны люди, мне нужно кого-то видеть.

Вернитесь с Алёной в Медведково.

– Там слишком тесно. Я больше не один. Я не поташу Алёну в эту комнатушку.

– Я перееду в комнатушку. Пожалуйста, повлияй на Алёну.

Мы заняли комнату, где раньше жили Миша с Максом, а дядя унаследовал мой матрас между двумя шкафами. Поначалу Миша был хорошим соседом. Он варил какие-то монструозные, но вкусные супы, которыми всех угощал: он всегда наполнял тарелку до самого края и нёс в нашу комнату, так что за ним из кухни тянулся тонкий след от пролитого супа. По вечерам мы курили и говорили о литературе. Миша тоже баловался стихами, хотя современную поэзию, о существовании которой он узнал от меня, терпеть не мог. Зато ему нравился некий Сергей Калугин, солист группы «Оргия праведников».

На этой почве у нас опять разгорелся нешуточный конфликт. Мало того, что я требовал от Миши убираться в квартире, – особенно раздражали фенозепамныеочные гости, которые не снимая обуви брали на кухню, – но я ёщё и раскритиковал стихи его гуру. Калугина Миша сравнивал с Шекспиром.

– Он духовно прозрел! – говорил Миша.

– Ну кто у нас не прозрел.

– Вот ты вряд ли. В этом твоя ошибка, – Миша говорил с грустью и состраданием.

– А ты – тоже прозрел?

– Я повидал многое. Я много раз выходил в астрал. И не только. Однажды кое-что произошло прямо в этой квартире. Огромное синее лицо заглядывало в окно со стороны балкона. Я знал, что должен спросить его о чём-то. Это было наяву. Я видел его так же, как вижу тебя.

– Что ты у него спросил?

– Это личное. Я не могу назвать вопрос. Но лицо ответило: «Любовь».

Мы бы так и жили, но Миша, несмотря на обещания, проявил полную неспособность соблюдать какие-то совершенно обычные правила общежития. Однажды ночью на него в очередной раз накатил приступ отчаяния и презрения к жизни – и он включил на полную громкость песню из репертуара «Оргии праведников». Мы с Алёной терпели многое, включая гей-клуб в соседней комнате, но ночью нам надо было спать. И поскольку это происходило не впервые, и я чувствовал своё полное бессилие, я начал стучать в его дверь и угрожать.

– Выключи это своё эзотерическое говно! Мы спим!

– Сергей Калугин – великий поэт! – крикнул Миша.

– Мне срать, что он великий! Я сплю!

Миша больше не отзывался.

– Я зову милицию! – заорал я. – Я сейчас позвоню в ФМС!

Поскольку Миша боялся депортации, этот аргумент сработал. Но Миша был смертельно оскорблён.

Через несколько дней он ушёл из Медведково и стал жить с неким Саней. С нами он прекратил всякое общение, и я ничего не знал о его жизни вплоть до сегодняшних похорон.

Мы с папой пришли в морг. Здесь уже были Саня, Антон (Мишин брат по отцу) и мужичок с Мишиной работы (Миша работал нелегально). Больше никого. Миша жил как будто вне каких-то социальных связей.

Я задумался, придут ли московские литераторы хоронить меня, когда я умру. И сколько их придёт. Скорее всего, не больше, чем на средний литературный вечер. Да и чего ходить-то. Плохо знали этого Никитина, да и был он какой-то бука. Человек 5 в лучшем случае. Будет ли говорить тосты Файзов?

– Я привёз рубашку, – сказал папа.

– Какую рубашку?

– Для Миши. Мне позвонили вчера из морга и говорят:

«У вашего трупа рубашки нет».

Папа вытащил из портфеля рубашку.

Мы собирались пойти внутрь, одевать рубашку на Мишу. Но там кого-то отпевали.

– Мишу что, тоже будут отпевать?

– Да.

– Зачем? Он же учился на раввина.

– Так надо, – сказал Мишин второй брат, Антон.

– Миша носил крест, – добавил кто-то.

Я догадался, что крест Миша надел тоже из-за «Оргии праведников» и их православно-монархического лидера.

Несмотря на то, что Миша за эти годы непонятно как сумел с ним познакомиться и войти в круг его друзей, на похороны Калугин не явился.

– Как он умер? – спросил я Саню.

– Он умер во сне. Я вышел в другую комнату посмотреть кино, пока Миша укладывался спать. Помню, ещё спросил его: «Хочешь, принесу тебе бульончика?». Миша ответил: «Я больше ничего не хочу». Что-то там хрюпал, сморкался. Потом стало тихо. Я пришёл – пульс не прощупывается.

– Может, это последствия радиации? – спросил папа.

– Какой ещё радиации?

– А такой. Знаете, что Миша пережил радиоактивное отравление? Я даже книги его потом выбросил. Может, он листал их радиоактивными пальцами. Я боялся, что они фонят.

Такая история, действительно, была. Ещё в Кишинёве Миша увлёкся химией и стал коллекционировать элементы таблицы Менделеева. В подвале он сделал целый склад разных реагентов. Он даже достал в местном институте радий. Как-то в процессе экспериментаторства Миша получил странный ожог и отправился к врачу. История вскрылась, в дом пришли с проверкой, а потом вдруг хлынули журналисты. Один журналист спросил Мишу:

– С какой целью ты собрал дома целый склад химических элементов?

– Хочу сделать атомную бомбу! – пошутил Миша.

Это было зря. Ответ напечатали в газетах. «Подросток готовил уничтожение Кишинёва». «Чернобыль в центре города».

Наконец нас пустили к Мише. Он был, слава Богу, уже одет. Я-то уже представлял себе, как мы будем натягивать на холодного, каменного Мишу папину рубашку. Антон – держать голову, я – подпирать спину. Папа бы натягивал рубашку. Саня бы плакал.

Саня и без этого плакал какими-то судорожными приступами. Все остальные стояли как вкопанные и с растерянностью смотрели на замершее лицо Миши. Я заметил его седые волосы. Я их не помнил. Я видел Мишу первый раз после его ухода из Медведково 6 лет назад.

Лицо его было неправильным. То, что по-немецки называется *entstellt*. Черты человека смешаются и становятся одновременно знакомыми и незнакомыми.

— Сейчас мы будем отпевать покойного, чтобы ему простились все грехи, — сказала сотрудница морга.

— Миша был праведником, — сообщил пapa.

Вошёл поп. Мишу отпели. Кто-то крестился. Потом мы по очереди коснулись его лба. Фактически это было как дотронуться до выключенного холодильника. Но рука-то ожидает встретить лоб и обманывается. Там холод.

Гроб стали закрывать. Я понял, что больше не увижу Мишу никогда.

Мы сели с гробом в автобус и куда-то поехали.

— Куда мы едем?

— В крематорий.

— Почему?

— Миша не хотел, чтобы его ели черви.

Ехали молча.

— Ты знаешь, где Мишины стихи? — вдруг спросил меня пapa.

— Нет, откуда. Наверное, Саня их хранит.

— Что такое? — спросил Саня.

— Стихи. Они у тебя?

— Он мне их не показывал, — сказал Саня.

В крематории было множество народу. Они стояли в очереди в какие-то окошки. Хотелось есть.

Надо было выбрать урну и встать в очередь. Саня курил на улице. Заметив его отсутствие, пapa вдруг спросил Антона:

— Как ты относишься к пидорам?

— Плохо, — сказал Антон. — Знать о них ничего не хочу.

— Но Миша же был пидор.

— Тут у меня все просто, — объяснил Антон. — Он мой брат. Значит всё.

— А я считаю, они лучше нас, — объявил пapa. — Миша был лучше нас, но его никто не понимал. Я тоже. Поэтому он умер. На мне огромная вина.

Мы стали хлопать папу по плечам и говорить, что вины нет.

— Я пытался ему помочь, но он отвергал всякую помощь. И в какой-то момент у меня опустились руки.

Пapa помолчал и добавил:

— Теперь, если будет митинг пидоров, я тоже пойду.

Мы дошли до окошка. Пapa сунул туда какие-то документы.

— Вам в первый зал, — сказала тётя в окошке.

Мы пошли в первый зал. Сотрудники крематория внесли гроб с Мишой. Зазвучала органическая музыка. В полу распахнулись створки, и гроб стал уезжать куда-то вниз.

Потом створки сомкнулись, и мы остались одни.

Король солнца

Когда-то давно – я уже толком не помню, когда это было – я жил в просторной комнате с пианино, в котором обитала обезьяна-людоед. Я никогда её не видел, потому что она вылезала по ночам, когда я спал, и шла на охоту.

В соседней комнате был папин кабинет. Папа сидел там и слушал классическую музыку. Обычно я не трогал его, пусть себе живёт как живёт. Но в один прекрасный день я решил постучаться и посмотреть на него. Я набрался храбрости и заглянул внутрь.

Комната оказалась пыльная и темноватая. Темноватая, наверное, потому что был уже вечер, а пыльная, потому что пыль скопилась за день, и папа ещё не успел её вытереть. На столе стояла лампа и светилась, как волшебный фонарь, а тень папы металась по стене. Папа оказался тощим небритым человеком в какой-то рваной пижаме. Он подпрыгивал с закрытыми глазами и размахивал руками в такт музыке с выражением крайнего страдания на лице. Музыка была какая-то тяжёлая и давящая. Мне захотелось плакать. Папа разлепил один глаз и, увидев меня, спросил:

– Нравится?

– Нет.

– Тебе не нравится Вагнер?! Ты просто ещё маленький. Я действительно был маленький. Но это только ростом.

А внутри я был старенький. Я не знал, сколько мне точно лет, но предполагал, что очень много. Это доказывалось тем, что я уже не помнил свою молодость. Я вообще мог вспомнить примерно года два своей жизни, дальше всё погружалось в туман. Мне давали леть пять, но я знал, что они ошибаются. Нельзя судить по внешнему виду. Думаю, мне было не меньше тысячи лет. Некоторые люди чувствовали это и очень уважали меня. Например, тётя из соседнего дома. Она постоянно вывешивала бельё во дворе, и когда я выходил из дома, начинала со мной советоваться.

Поэтому я обиделся на папу и ушёл из его комнаты. Конечно, глупо было на него обижаться. Его надо было воспитывать, приучать к цивилизации, но я не знал, как найти к нему подход. В сущности, он был совершенно дикий.

На следующий день я вечером подошёл к его двери и послушал. Мне не хотелось заходить, если там будет опять этот Вагнер. Но из-под двери доносился не Вагнер, а какая-то мягкая торжественная музыка. Я зашёл. Папа медленно и очень церемонно расхаживал по комнате. Увидев меня, он поклонился, и я понял, что папа небезнадёжен, и, наверное, постепенно научится вести себя со мной подобающим образом.

– Это что за музыка? – спросил я.

– Это Люлли, – сказал папа. – Он писал музыку при дворе Короля-солнце.

Тут меня словно торкнуло. Я понял, что забыл кое-что. Я лёг спать и всю ночь вспоминал во сне солнце. Белое сияние разливалось по огромному дворцу. Я сидел на высоком троне, высеченном из белого камня, добываемого на рудниках из глубин Солнца. Я жил почти один, если не считать мою обезьяну, привезённую с далёких островов. У меня была длинная белая борода, она ниспадала по ступеням и стелилась по залу до самого входа наподобие коврика. Наутро я проснулся и всё понял. Стало ясно, почему меня не трогала обезьяна-людоед, которая жила в пианино. Это была моя обезьяна. Я привёз её с Солнца и поселил в пианино, чтобы её не поймали. Бедная обезьянка! Тяжело ей приходилось. Но нельзя же было оставлять её одну на Солнце. Она умерла бы с голоду, потому что она была людоед. Теперь я знал, почему выгляжу моложе своих лет. Я просто сбривал свою огромную бороду, когда спустился с Солнца. Я сделал это специально, чтобы меня не узнали. Я был здесь инкогнито. Я скрывался от своего врага, который хотел захватить Солнце. Его звали Вагнер.

Я вышел во двор. Соседка как раз чистила ковёр. В землю во дворе были вбиты железные столбики, а между ним натянута проволока. Все соседи вешали на неё бельё или ковры, которые надо было выбивать, чтобы избавиться от пыли.

– Женечка! – обрадовалась соседка. – Привет, дорогой! Ты не знаешь, как лучше выбивать ковёр? Я вот всё бью-бью, а ничего толком не получается. Только рука устает.

– Я вам покажу, – сказал я. – Дайте сюда лопатку. У нас на Солнце ковры выбивали так.

Я показал ей, как надо стучать по ковру. Стучать надо круговыми движениями, стоя боком к ковру. Тогда и шлепки получаются сильнее, и рука меньше устает. А соседка делала всё, как дура. Она становилась лицом к ковру и стучала по нему, как будто хотела забить гвоздь.

– Откуда ты только так много знаешь? – удивилась соседка.

– Это с Солнца, – объяснил я. – У нас на Солнце я никому не доверял выбивать ковры. Всё сам выбивал.

– На Со-олнце... – ещё больше удивилась соседка. – На каком Солнце?

– На этом, на каком же ещё, – ответил я и ткнул пальцем в небо. – Другого ж нет.

– А что ты там делал, на солнышке-то?

– Ну что делал... что делал... Ковры выбивал, например. А так почти ничего не делал. Отдыхал.

– Отдыха-ал, – протянула соседка. – Это хорошо. Я бы тоже хотела там пожить. Отдохнуть немного. А то, знаешь, заработалась совсем.

– А что, Ольга Васильевна, – сказал я. – Можно и отдохнуть. Надо вас взять с собой на Солнце.

– Надо, Женечка, ох, надо! Возьми меня с собой. А то этот Кишинёв у меня в печёнках уже. Ужас, как надоел. Там, на солнце, не надо работать?

– Нет, там работать не надо. Только играть. Или музыку сочинять.

– Это как при коммунизме, что ли?

Я не знал, что такое «коммунизм», поэтому неопределённо кивнул.

– А откуда тогда всё берётся? – спросила Ольга Васильевна.

– Что берётся?

– Ну еда, например.

– Из волшебной палочки. У меня там есть такая палочка... Как эта лопатка, только тоненькая. С нею всё можно сделать, надо только пожелать.

– Уж я пожелаю, если надо! – сказала Ольга Васильевна.

Я глубоко вздохнул. Давненько не бывал я на Солнце. Я стал думать, как там мой дворец. И старый Люлли... Наверное, он стал ещё более седой с тех пор, как я прилетел на Землю. Я оставил его присматривать за дворцом. Он был слишком старенький, даже старше меня, и вряд ли выдержал бы такое путешествие.

Ольга Васильевна запомнила этот разговор и теперь при встрече каждый раз спрашивала, когда мы полетим на Солнце. Я не знал ответа на этот вопрос, потому что без волшебной палочки был совершенно бессилен. А палочку у меня украл Вагнер. Это и было причиной, почему мне приходилось скрываться на Земле. Оставалось только ждать. Когда я улетал, я попросил Люлли прислать за мной космический корабль, когда Вагнер прекратит мои поиски. Тогда я вернусь на корабле и сделаю Вагнеру сюрприз. Ну погоди, Вагнер! Ты ещё у меня попляшешь.

Тут я понял, что надо собирать армию. Возвращаться на Солнце в одиночку было бы безумием. Надо подготовиться и взять с собой как можно больше верных мне людей.

Ольга Васильевна подвернулась тут как нельзя более кстати. Она всему двору разболтала про Солнце, и всё спрашивали меня, когда можно будет наконец улететь из этой ужасной страны.

Особенно интересовались два дядьки по имени Фима и Марик. Они обычно играли в шахматы во дворе или ели огурцы с водкой. Они подробно расспросили меня о жизни на Солнце, и Марик сообщил, что ему это нравится и «по крайней мере лучше, чем в каком-нибудь Биробиджане». По его мнению следовало собрать всех «с пожитками» (он так и сказал) и отправить на Солнце. Фима согласился с ним и дал мне огурец.

Наконец, я решил, что надо составить список. Я взял тетрадку и стал записывать тех, кто хотел отправиться со мной. Получилось целых десять человек и ещё два. Я всем велел иногда посматривать на небо, и если там появится корабль, сразу доложить мне.

Однажды я понял, что, увлекшись приготовлениями к отлёту, я совершенно забыл про папу. Я даже не догадался подсунуть ему под дверь половину фиминого огурца. Мне стало стыдно. Я вообще не знал, что там с папой происходит. Мне пришло в голову, что глупая обезьянка из пианино могла ненароком сожрать его. Я бросился в его комнату.

Слава богу, папа был на месте. Он сидел на диване и занимался своим обычным делом. На его лице было мечтательное выражение.

— А, привет, —сказал он. — Заходи. Я тут Баха поставил. Я попросил его выслушать меня и рассказал о своём плане. Я объяснил, что на Солнце ему будет хорошо, потому что он с Люлли быстро найдёт общий язык на тему музыки, ну, и Вагнер тоже захочет познакомиться с папой — разумеется, сначала надо будет отнять волшебную палочку, а потом уже можно и поговорить, как люди.

— Полетели со мной на Солнце, —закончил я свой рассказ.

— Эх, Женя, Женя... —сказал папа. — Солнце — это звезда, а не планета. Это раскалённый газовый шар. Там не может быть никакой жизни.

Я пытался переубедить папу, но безуспешно. Он был уверен в своей правоте и вообще говорил со мной как с ребёнком.

В течение следующих дней я не реагировал на вопросы соседей о Солнце. Мне не хотелось их разочаровывать, и я ждал, пока они всё забудут. Ничего нельзя было поделать. Весь план пришлось отменить. Я решил никуда не улетать. Я не мог бросить папу одного.

Гриша

В моём первом отчиме было много замечательного. Чёрная борода метлой, глубоко посаженные глаза и голос, звучный и страшный, особенно, когда Гриша лаял. На самом деле он ругался, а казалось, что это низкий, хриплый лай. Все его боялись, думали, Гриша – цыган и дерётся, как сумасшедший. Он любил смотреть на себя в зеркало и делать угрожающее лицо. С таким лицом можно быть только «крутым», а шёл, на минуточку, девяносто первый год. Он завёл собаку, похожую на себя, немецкую овчарку, и назвал её «Пират». Собака всех тоже очень пугала. Она была какая-то полуумная и без намордника. Гришу она тоже пугала. Поэтому, когда он переехал в Ставрополь, спасаясь от кредиторов, то посадил её на цепь в туалете, а сам писал в раковину. «По-большому» выходил во двор и гадил под кустиком, потом выносил лопату и закапывал. Дом стоял у леса и принадлежал Гришиному брату. Но там никто не жил.

Свою мать Гриша поселил с нами. Она была старенькая и не двигалась. Я читал ей каждый день по главе из новеллизации сериала «Рабыня Изaura». Так она засыпала.

Однажды я пришёл домой и узнал, что мама Гриши умерла. Мне положили на тарелку картофельного пюре. Гриша сел напротив и смотрел на моё лицо – жалею я о его матери или нет. Поэтому, когда я подносила ложку ко рту, я останавливался и тяжело вздыхал, чтобы было видно, что мне грустно. Потом я догадался, что это выглядит странно, когда я вздыхаю на каждой ложке, и начал вздыхать через раз. Гриша сказал моей маме:

– У тебя сын вообще без души. У него глаза даже не красные. Если ремня дать, будет плакать за милую душу. А тут хоть бы хны. Человек умер, а ему насрать.

Мама промолчала, потому что когда у мужа умирает мать, не надо его лишний раз нервировать.

– Что, сука, молчишь? – залаял Гриша. – Думаешь, я не помню, как ты для моей мамы мяса пожалела? Своему-то выродку мяса положила! Я всё помню.

Он схватил лопату, хлопнул дверью и пошёл во двор. Я решил, что когда вырасту, я его убью.

Гриша занимался, как все, бизнесом. Он занял деньги у Рубена и понаставил в Ставрополе небольшие киоски с жвачками. Фирму он назвал в честь моей мамы – «Альбина». Это было написано на каждом киоске. Мы очень гордились. На остаток денег Рубена Гриша купил магнитофон с цветомузыкой. Он принёс его поздно вечером, поставил в гостиной, выключил свет и позвал мою маму смотреть. У него было счастливое лицо. Они сели на диван и стали смотреть, а я подглядывал из коридора. У магнитофона сверху торчала палка, а на неё был насажен красный крутящийся шар. Он вращался и светился под музыку, из-за чего по стенам бегали красные солнечные зайчики, только не солнечные, а какие-то кровавые. Музыка была тоже некрасивая и от неё всё тряслось. Овчарка начала лаять из-за этого, но музыка её заглушала. Я подумал, что это похоже на ад.

С фирмой «Альбина» что-то не ладилось, Гриша даже перестал ездить на такси и покупать баранину, которую он любил резать ломтиками и кушать с чаем. Между тем пора было отдать Рубену деньги, поэтому Гриша занял денег у Бориса и отдал Рубену. Борис был ещё хуже Рубена, он даже не хотел подождать. Надо было скрыться. Гриша сбрив бороду и попросил соседа присмотреть за овчаркой. Туалетная постройка, в которой она жила, находилась за забором, у леса. Собаке надо было подкидывать куски мяса через щель в заборе, а гуляла она сама на своей длинной цепи. Мы взяли немного вещей и пошли на вокзал.

– Вы езжайте домой в Молдавию, а я поеду в другую сторону, – сказал Гриша на вокзале. Вид у него был растерянный. Без бороды он не казался страшным. Нижняя челюсть у него была маленькая, глазки тоже маленькие и грустные. Больше всего он напоминал какого-то еврейского портного или парикмахера. Какой-то низенький, худой. Стало ясно, что кричал он

на всех из трусости, а если его стукнуть, он попытается куда-нибудь убежать. Из лица человека многое можно понять, даже если тебе десять лет.

Гриша обнял маму, я поцеловал его в щёку. Тогда он сел в другой поезд, и больше я его никогда не видел. Мы поехали домой в Молдавию, и мама снова вышла замуж.

Время от времени до нас доносились какие-то слухи о Грише, от одной общей знакомой, которой иногда звонил Гришин брат. То Гриша бежал в Израиль. То он живёт в Германии. Наконец прошёл слух, что якобы Борис всё-таки нашёл его и убил, а Гришин брат считает виноватой мою мать. Когда Гриша стал с ней жить, у него начались неприятности. Бизнес не ладился, настроение было плохое. Не был он счастлив с моей мамой, в общем. Потому что она его не любила. Так считал Гришин брат.

Однако через много лет, когда я приехал в Москву, как-то мне позвонил пapa и сказал, что видел Гришу на Белорусском вокзале, на перроне. Папа хотел было подойти к нему, но что-то остановило. Гриша был задумчивый и смотрел на уходящие вдаль рельсы.

Марина

Уже в детстве я постоянно болезненно влюблялся: сначала в маму, потом в куклу Зину, потом в плюшевого тигра. Наконец дело дошло до людей. Я определённо помню, что её звали Марина. Я встретил её в гостях у друзей моего отчима, в Кишинёве. Нас посадили ужинать за отдельный столик для детей, и я сообщил Марине о своих чувствах.

– И что теперь? Ты будешь лежать на мне голеньким? – спросила Марина с непонятным сарказмом.

Я немного поразмыслил.

– Ну… Если ты не настаиваешь на подобной процедуре, то я вижу множество веских причин её избежать.

Я так изъяснялся, потому что читал много книжек, а беседовать мне приходилось, в основном, самому с собой.

Спустя месяц мама повела меня в гости к Марине, потому что та что-то себе растянула или сломала и лежала дома. Я настоял, чтобы мы купили цветы, и выбрал белые розы.

Марина лежала в кровати с очень строгим выражением лица.

– Белый – это холодный цвет. Цвет разлуки и смерти, – сообщила она, проинспектировав мои розы.

– Нет, это цвет любви.

Марина скептически покачала головой.

– Белые розы… Видимо, мы не сможем быть вместе.

Я хотел возразить, но тут вошёл её пapa с моей мамой. Они вроде как обменивались соображениями о физическом воспитании детей. Маринин пapa настаивал, чтобы я подтянулся на перекладине.

В следующее мгновение меня подвесили к перекладине. Я точно знал из опыта, что не могу подтянуться ни разу.

И тут я испытал то, что, безусловно, можно назвать чудом любви. Я не мог опозориться перед Мариной, и случилось невозможное: воспоминание об этом до сих пор повергает меня в ступор. Я каким-то невероятным образом напрягся и подтянулся целых три раза.

Пapa Мариной сообщил, что физически я нахожусь в пределах нормы, что было полной херней. Вплоть до 18 лет, когда я сам собой немного окреп, мне ни разу не удалось повторить тот неожиданный подвиг.

Марину я больше никогда не видел. Мне рассказали потом, что она умерла от лейкемии.

Поверьте, это не гнусный литературный приём, – просто так всё и было. К сожалению.

Переезды

Однажды мы с мамой и кошкой Машей оказались без крыши над головой, и нас приютили бабушка с дедушкой. Мы жили впятером – бабушка, дедушка, мама, я и кошка Маша.

Жаловаться не на что – было весело. Зимой нам по полдня отключали свет, мы зажигали свечку, садились в кружочек и играли в «балду».

Так продолжалось довольно долго, пока соседи по лестничной клетке не уехали на Север, оставив нам ключи от своей квартиры с просьбой за ней присмотреть. Сейчас такое трудно себе представить, но тогда люди были проще и доверчивее.

Мы переселились в чужую квартиру и ходили друг к другу в гости. Бабушка с дедушкой ходили в гости к нам, а мы – к ним. Кошка Маша выбрала двойное гражданство. Если ей хотелось провести с нами время, она скреблась в дверь, чтобы бабушка её выпустила. Оказавшись снаружи, кошка Маша пересекала лестничную клетку и скреблась в нашу дверь, чтобы мы с мамой её впустили.

Однажды кошка Маша родила. Она забралась внутрь бабушкиного дивана, где была полость, и произвела на свет семерых котят.

Любовь к нам с мамой не оставила её и тогда. Пожив с котятами у бабушки, кошка Маша в один прекрасный день перетащила всех котят, одного за другим, из бабушкиной квартиры в нашу. Она хватала котёнка зубами за шиворот, скреблась в дверь, пересекала лестничную клетку, скреблась в другую дверь, забиралась под кровать и шла за следующим ребёнком. Так она эмигрировала со всей семьёй, кроме бабушки с дедушкой, в нашу квартиру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.